

КАРАГИНСКОЕ ХОЛОЛО

Г.И. Киселев

Рисунки автора Г.И. Киселева
составитель – А.Т. Уркачан

Дни эти незабываемы и дороги, словно прошлое, в котором участвовало твое сердце. О таких днях говорят – посчастливилось, повезло. И ясно становится: без них ты был беднее.

Хололо – традиционный праздник береговых коряков, – вот что влекло нашу маленькую фольклорную экспедицию из двух методистов окружного кабинета народного творчества, можно сказать, в самое сердце Карагинского района, – в село Карага, продолговато вытянутый поселок под бочком у сопки Колдуньи. Сюда были устремлены все наши собирательские помыслы, здесь мы намеревались зачерпнуть полной пригоршней из того родника национальной музыки, без которой наша самодеятельность чахнет, словно дерево, вырванное из земли. И мы не обманулись в ожиданиях.

Но давайте представимся читателям. Мы – это методисты кабинета народного творчества Герольд Киселев и Александра Уркачан, вооруженные, кроме примитивной техники в виде магнитофона «Орбита-303» и старенького «Зорького», еще и, тщательно таимой друг от друга, любовью к своему делу. Правда, моя сотрудница обладает еще одним неоценимым подспорьем – знанием национального языка.

Вы бывали в Караге в середине декабря? Я видел этот поселок накануне осени. И я не узнал его сейчас, в нежной собольей опушке заснеженных крыш, в ярких зеленых и янтарных пятнах домов, похожих издали на разноцветные праздничные флажки. Знаменитая Колдунья под белой попоной снега, словно исполинский морской зверь, разлегшийся на берегу бухты. Выполз зверюга на берег и застыл, не в силах побороть собственную тяжесть.

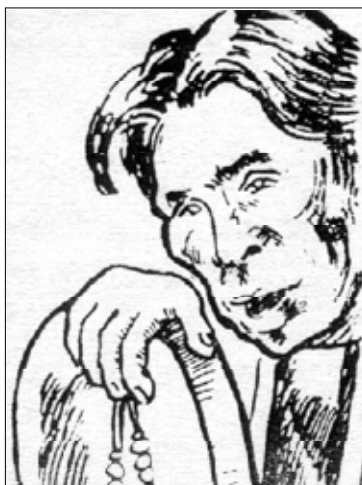
Было розовое утро 15 декабря, налившееся рассветным соком лишь часам к одиннадцати. Казалось, на глазах – розовые очки. За Колдуньей дрожала и зыбилась в морозном туманце утра гряда островерхих сопок.

Первая встреча в это утро – с Василием Николаевичем Соколовым, художественным руководителем народного танцевально-хорового ансамбля «Энер», знатоком и неутомимым собирателем танцевального фольклора. Он охотно назвал нам адреса тех людей, которые любят петь и танцевать. Это с его доброго напутствия постучались мы в дверь слепого певца Гавриила Яганова.

Песни Гавриила Яганова

Мы знакомы с ним только заочно. Помнится, это имя упоминали в своей книжке «Дарю тебе песню» Г. Порохов и В. Косыгин. Из этого источника мы знаем, что Гавриил Яганов пел на зональном смотре в Хабаровске в 1963 году и покорила слушателей талантивым исполнением песни «Нутэн Россия». В том же сборнике была опубликована и мелодия Яганова «Танец молодости».

И вот этот человек перед нами, крутой лоб под непокорными не по возрасту вихрами. Голова выступает этим лбом вперед, отчего лицо кажется маленьким и упрямо сосредоточенным на какой-то долгой и терпеливой мысли. Думается, Гавриил весь ушел в себя, в созерцание внутреннего мира, лишённого солнечного света. Хмурое отрешенное

лицо. И вдруг улыбка, широкая, душевная – “Мэй, здравствуйте, гости из Паланы!”

– Котвагал! – радушно приглашает хозяйка дома Мария Попова. В этом доме уже привыкли к гостям. Все приезжие, кого интересует национальная песня, обязательно заходят к Гавриилу.

А-а, песни будете снимать...

Мы даже удивились, с какой охотой и радостью пошел хозяин нам навстречу, как сноровисто подала ему бубен Мария. Сейчас будет сделана первая запись. Как хочется, чтобы она была удачной. Качество записи – главнейшее условие плодотворности дальнейшей обработки фольклора. Волнуюсь: на каком уровне вести запись, куда поставить микрофон.

Включаю запись, а Гавриил почему-то не торопится петь, держа бубен на коленях, он о чем-то увлеченно рассказывает. Моя помощница Шура Уркачан объясняет, что хозяин дома рассказывает содержание первой мелодии.

– Эту песню пел мой дедушка, когда приносил из тундры много шкурок соболей и лисиц. Когда я был маленьким, я услышал от него эту песню...

Как отдаленный гром, рассыпался звук бубна и через мгновение, набрав силу, ударил в стены и потолок глухим камнепадом. И вспугнутой чайкой вспорхнул человеческий голос. Гавриил запел, и мелодия сделала первый круг над горной осыпью ритма, потом второй, третий... Под такую песню трудно усидеть на месте. И вот уже слились в одно целое мелодия и танец. Мария быстро набрасывает на себя кухлянку, и мы с Шурой, восторженно раскрыв рты, смотрим, как свободно и легко, с изяществом телодвижений и подчеркнутой грубостью пластики, танцует хозяйка. И в каждом повороте ее плеч, в каждом прыжке, в каждом изгибе рук, – вещественное продолжение мелодии мужа.

Да, так не танцуют у нас, в Палане. В танце Марии Поповой ощутимый карагинский колорит, те краски и орнаменты, которые родились и живут только здесь, на побережье бухты Караги. И становится стыдно своей беспомощности: как необходим был бы здесь специалист-хореограф, как выручила бы нас сейчас кинокамера! Танцы народные нужно записывать с тем же тщанием, что и песни, чтобы уберечь их от забвения.

А эту мелодию я услышал от бабушки, – говорит, улыбаясь, Гавриил. Его незрячие глаза живо шевелятся в веках, словно нащупывая сидящих против него. И как-то уже не верится в слепоту Гавриила. – Когда приходила зима, и юкольники были полны рыбой, и много было заготовлено корма для собак, и много нерпичьего жира для питания и освещения, тогда можно было и отдохнуть. И женщины встречали удачливых рыбаков и охотников этой песней...

Другой ритм, другая мелодия. И снова не усидела на месте хозяйка, я смотрю, начала подергивать плечами и Шура, и вот она уже танцует, старательно копируя движения Марии.

Отчего бубен звонкий

Ф-фу, устал певец, поблескивает его влажный лоб, запыхавшись, падает на табурет хозяйка, и я пользуюсь минутой передышки, чтобы рассмотреть бубен. Я такой бубен вижу впервые, он повторяет форму не окружности, а эллипса, точнее сказать – форму яйца.

Этот бубен сделал мне Иляк Колегов, хороший бубен, звонкий, никто такой делать не умеет...

Так уж мы, собиратели, устроены, что непременно хочется потрогать все интересное, что не в состоянии записать, запечатлеть и унести с собой. Касаясь той или иной реалии быта и этнографии, словно физически чувствуешь незримую связь времен.

Да, действительно, бубен очень звонкий, даже кончиками пальцев ударь в него, вздрогнешь от неожиданной силы звука. А если *яяйкплэна* – ударную палочку – в руки возьмешь, отзовется тебе бубен во всю мощь своего природного голоса.

На березовом ободе три стальные скобы, на них наборы из металлических колечек. Гудит, грохочет бубен, и в лад ему, словно колокольчики под русской дугой, позвякивают кольца. Кажется, еще один ударный инструмент сопутствует бубну.

И еще один звук уловит ухо, если как следует прислушаться к мелодии бубна. Вы слышите: чок-чок, чок-чок, – словно оленьи копыта по горной тропе. Это постукивает по туго натянутой коже инструмента нитка из шкуры нерпы – пинякав, – украшенная на конце двумя кисточками из выдры и росомахи и двумя шнурками бисера. Они-то и производят этот дробный перестук, вторящий, словно эхо, удару бубна.

Слышал я бубны в Палане, не идут они ни в какое сравнение с этим, звонкоголосым, напевным. В чем же тут секрет?

Бубен надо делать из весенней шкуры, – охотно рассказывает Гавриил, – весной шкура у оленей тонкая. А чем тоньше шкура, тем звонче бубен. И чем больше на ней личинок овода, тем сильнее звон бубна. Это для нас новость. Наблюдая эти светленькие пятнышки на коже инструмента, я всегда невольно думал: ну вот, не могли найти для инструмента шкуры без изъяна, наивно полагая, что пятнышки снижают качество звучания. А оказывается, наоборот!

Приглядеться – в том месте, где когда-то квартировала личинка, кожа тонкая, даже просвечивает, словно слегка запотевшее стекло. Может быть, для бубна эти пленочные глазки то же, что эльфы для скрипки? Так же резонирует и обогащают звук?

Есть свои тонкости и в изготовлении обода инструмента. Он должен быть из березы. Из березы, взятой не в любую пору, а именно осенью. Почему-то осеннее дерево при всей податливости для изгиба еще и обладает запасом звучности. И в этом национальные мастера загадали нам загадку.

Но вот Гавриил Яганов снова берет в руки бубен.

А эту песню я придумал сам. Эта песня о счастье свободного труда, о зажиточной и правильной жизни на земле наших предков.

Взметнула крыльями песня, забила солнечным трепетным лучом. Песня сгущенной радости, гимн человеческой силе и красоте. Уж под такую песню никак не усидеть на месте. Ай, как самозабвенно, с какой удалью танцует Мария, и кухлянка ленивой волной округляет ее движения.

А теперь бубен снова успокоился в своем кожаном мешке, завернутый в кухлянку. Интересно, а почему нельзя, скажем, повесить его на гвоздь, ведь бубен на стене – дому украшение?

– Бубен в футляре надо хранить, – убеждает меня хозяин, – почему баян в футляр прячут? Чтобы дольше служил, не портился. А разве

бубен хуже баяна? Также боится сырости. При мокрой погоде не ходи с бубном на улицу, намокнет кожа, пропадет звук.

Песня – кратчайший путь к сердцу

Нет инструмента в руках Гавриила, а поет бубен, гремит бубен. Это включился в разговор о национальной песне наш магнитофон. Хозяин слушает свою игру внимательно, словно чужую, незнакомую. Вот она отделилась от творца, песня, словно подросший птенец от родного гнезда, и полетела над белой тундрой, над застывшими реками и молчаливыми вершинами хребта на другой берег Камчатки, в далекую Палану, в незабвенную Лесную, где сорок шесть лет назад родился Гавриил. Печально и радостно слышать свою песню, когда она уже не принадлежит тебе и ничего уже в ней не прибавить, не убавить.

Возбужденные первым свиданием с национальным искусством, мы выходим в яркий солнечный день. Погода отвечает нашему настроению.

На снег больно посмотреть. Село курится аппетитными дымками, снег изрезан нартовыми полозьями, а самих нартов не видать. Разве будет хозяин дома сидеть: самое время на капканы съездить.

А вот у этого дома на снегу мохнатые клубки собак, нарта привалена к изгороди. Добрый знак. Значит, дома хозяин. Несмело переступаем через порог.

Амто! – здороваемся по-палански.

Мэй! – радушно отвечают нам.

Нам повезло, вся семья в сборе. За столом – плотный, кряжистый мужчина в расстегнутой клетчатой рубашке, у печки на низеньких скамеечках посиживают две женщины, пожилая и молодая, с красивыми чертами лица. Знакомимся. Мы попали именно туда, куда направил нас Гавриил Яганов. Наши хозяева – охотник госпромхоза Андрей Иванович Никифоров, его жена Елена Михайловна и дочь Аня.

Трудно разговорить незнакомых людей, тем более распеть их, заставить открыть душу. И нам на помощь приходят песни Гавриила Яганова. Слушая запись, мы видим, как постепенно оттаивают, смягчают лица хозяев. Как это верно, что песня – самый короткий путь от сердца к сердцу.

В доме Андрея Ивановича праздник побывал позавчера. Вот когда бы он спел и сплясал, а сейчас он немножко простыл, голоса нет...

– Ничего, – убеждаем мы его. – Нам сильно петь не надо, спойте, как сможете....

Женщины поддерживают нас, молодая вышла в соседнюю комнату за бубном. И снова меня охватывает волнение первооткрывателя. Сейчас я услышу, как поют в Караге, проверю свое предположение, что песни Гавриила Яганова – это образцы другой культуры пения, бытующей на другом побережье, в селе Лесная.

Неуверенно, откашливаясь, начинает песню Андрей Иванович. Улавливаю знакомый вальсовый ритм: на одну сильную долю – две слабых. И очень распевная, печальная мелодия на этом ритмически незатейливом фоне. В мелодии четко прослушиваются две строки. Голос сначала восходит на два-три тона, а потом нисходит с этой высоты к концу мелодии, по пути обрастая полутонами.

Мне кажется, я когда-то слушал эту песню. Было ночное мерзлое небо с совиным зрачком луны и мертвенно-зеленый, фосфорный снег. Снег и луна – и больше ничего. И в этом застывшем мире только одно было живое: упряжка собак, отгребавшая назад лапами, и снег, и ночь, и пространство. Трое нас было на нарте. Одному каюру все было нипочем, и его шею, открытую до ключиц, напрасно стегал встречный ветер. Не эту ли песню высвистывал он?

Нездоровилось Андрею Ивановичу, а все же уважал нас, и в нашей фонотеке появилась еще одна интересная запись. С нетерпением ожидаем, когда бубен перейдет в руки хозяйки.

Корякское болеро

Елена Михайловна, против мужа маленькая, хрупкая, засмушалась. Дочь подбодрила: – Спой, мама, у тебя хорошая песня. – Взяла Елена Михайловна бубен и преобразилась, словно подросла немного, плечи расправились, лицо помолодело. Ни малейшей эlegantности и печали в мелодии, какой-то сгусток энергии, ритм бодро-учащенный,

словно пульс молодого организма. Бубен стучал горячими толчками сердца: та-та-там, та-та-там ...

И мелодия, словно зеленый побег, раскручиваясь спирально импровизации, выбрасывает наружу все новые и новые листья и мелодические украшения. Мелодия на глазах расширяется, ритм все больше активизируется. Все громче и быстрее разворачивается песня.

Нечто аналогичное происходит в «Болеро»

Равеля, когда изящная и легкая, как дуновение ветерка, мелодия вырастает в испуганное торжество народного праздника. В тот день мне впервые довелось услышать домашний камерный вариант корякского «болеро», песни-импровизации. И только через три дня, на празднике хололо, в доме у Марии Павловны Поповой до меня дошла вся природная прелесть этой национальной манеры пения, когда три часа кряду пел Андрей Степанович Колегов.

Счастливым оказался для нас первый собирательный день – мы записали пять национальных песен и две сказки. Первую, о ленивой птичке, рассказал нам Гавриил Яганов, а вторую – из цикла сказок о Куткиняку – Андрей Иванович Никифоров.

Андрей Иванович впервые услышал эту сказку от своей матери Анны Феофановны более сорока лет назад в старой Караге. Аналогичная сказка была записана в 1928 году известным исследователем корякского фольклора С.Н. Стебницким в селе Кичига и опубликована в книге «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки».

Андрей Иванович впервые услышал эту сказку от своей матери Анны Феофановны более сорока лет назад в старой Караге. Аналогичная сказка была записана в 1928 году известным исследователем корякского фольклора С.Н. Стебницким в селе Кичига и опубликована в книге «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки».

В этой сказке причиной дождя оказывается мифическая женщина, которая расчесывает длинные волосы. Куткиняку угощает женщину мухоморами, и когда она становится беспомощной, срезает с нее волосы. Дождь прекращается.

В сказке Андрея Ивановича – любопытный вариант этого сюжета. Плохая погода персонифицирована в образе двух долговолосых девушек на качелях. Но сказка Андрея Ивановича отличается интересными этнографическими и бытовыми подробностями, которых нет в сказке, зафиксированной Стебницким.

Знакомство с хозяином хололо

Второй день, а вернее вечер 16 декабря, превзошел все наши ожидания. Нам удалось завладеть таким фольклорным богатством, о котором мы даже и не мечтали.

Все, с кем бы мы не говорили накануне, стояли на одном: раньше субботы праздника ждуть нечего. И вдруг утром 16 декабря мы узнаем от заведующей меховой мастерской: да, хололо будет сегодня в доме Никифора Аристарховича Никифорова.

С каким волнением переступили мы порог этого дома. Нас вела интуиция кладоискателей, безошибочное чутье, что именно здесь мы станем обладателями сокровищ национального песенного творчества. И одолевали опасения, как встретят нас хозяева, разрешат ли в разгар праздника пользоваться нашей техникой.

Но хозяин, черноголовый крепыш лет сорока с небольшим, был столь радушен, и женщины, сновавшие по дому с приготовлениями, так мало обращали на нас внимания, что от сердца отлегло.

– Пожалуйста, приходите вечером! – приглашал Никифор Аристархович и чуть не силком усадил нас за стол, где самым главным блюдом была, конечно же, толкуша, тылкытыл, которая помаргивала нам из миски десятками глазков шикши. Отведали мы и юколы, и с удовольствием почавали, слушая словоохотливого хозяина, который увлеченно рассказывал о своих промысловых успехах.

– Меня все знают и здесь, и в Оссоре, и в колхозе, и в госпромхозе. Я всегда план даю, и даже больше. Редко кто сдает двадцать лисиц за сезон, а я сдаю. Меня все знают...

– А почему вы решили начать праздник, не дожидаясь субботы?

– Некогда ждать, – разъяснил хозяин, посверкая черными, словно шикша, глазками. Погода звенит, пурги нет, снег хороший, мягкий – пора ставить на соболя.

Из соседней комнаты слышится глухой мелодичный звук. Там явно что-то готовили для праздника. Мы с любопытством заглянули и туда. Две женщины, сидя на шкурах, что-то увлеченно толкли и растирали в продолговатом деревянном корытце. Мария Николаевна Гуторова и Мария Андреевна Чечулина готовили толкушу по тем старинным правилам и законам, которые достались им в наследство от своих матерей и бабушек.

Самое вкусное блюдо праздника

Глубокая многовековая древность дохнула на меня из этого долбленного корытца, от этой живой этнографической картинки приготовления национального блюда. Женщины были в современных шерстяных кофтах, современные джазовые ритмы доносились в комнату из репродуктора, я сам, опутанный проводами, стоял над ними олицетворением технического прогресса, но вопреки всему древность жила и плодоносила в стремительном нынешнем дне, словно дерево, крепко сидящее корнями в родной почве.

Какое же это счастье, что мы еще имеем возможность дотронуться бережной рукой до материальных проявлений национального духа народов нашего округа, что мы видим их не под стеклом музея, не под книжной обложкой (это, конечно, тоже бы не помешало), а в их натуральном бытовании!

Этот пестик – *таланан* – сделан из челюсти кита. Корытце – *канама* – выдолблено из цельного ствола березы. Сколько им лет – бог весть! Они хранят на себе прикосновение сотен, а то и тысяч работающих искусных рук и в первую очередь того безымянного мастера, который их сотворил.

Десятки, а может быть сотни лет коряжские женщины, хозяйки юрт и землянок, передавали из поколения в поколение немудреную технологию приготовления любимого яства, чтобы донести ее до семидесятых годов двадцатого века в своем первоизданном виде.

Старательно толчет Мария Николаевна ястыки сушеной икры. Потом эту икряную муку подсыпают в общую смесь, где основным связывающим компонентом служит, по-видимому, нерпичий жир. Рядом с корытом мешочек с сушеными волокнами кипрея или иванчая. Это тоже добавка в толкушу.

И, наконец, когда смесь растерта до состояния однородности, ее украшают ягодой, которая придает кушанью своеобразный сладковатый привкус. Целый день с утра до вечера готовят женщины *тылкы-тыл*, сменяя друг друга, обычно это родня или добрые соседи хозяев. Ведь наделать толкуши надо немало, чтобы хватило на всех гостей. А за день, почитай, все село пребывает.

А ремни рвать будут? – поинтересовались мы у Никифора Аристарховича.

А как же, обязательно, все будет, как положено – заверил нас хозяин и заверил напрасно. Еще при нас начал он устанавливать

столб для национальной игры во дворе напротив крыльца. И когда мы с Шурой явились уже глубоким вечером на праздник, этот столб все также лежал на снегу, как и в полдень. Хозяин отметил праздник раньше гостей, и, честное слово, среди всех, кто веселился в его доме, только он один слабо владел языком и движениями.

Здравствуй, хололо!

В доме царит бубен, его ритмы управляли настроением людей. Комната, где днем трудились женщины, так была забита, что не только яблоку, – иголке некуда было упасть. Люди сидели на кроватях, табуретках, на полу, на пороге, стояли, приткнувшись к косяку и подоконникам, по центру комната кипела неистовством телодвижений, взлетами рук, нырками разгоряченных лиц – здесь бушевало хололо!

Совсем заробела моя помощница от такого многолюдия. Топчется у порога.

– Смелее, Шура! – подбадриваю ее, хотя и самому страшно-вато нырнуть в этот человеческий прибор. А не вытолкнут ли меня взащей вместе с моей могучей техникой, чтобы не портил людям настроения?

А-а, где наша не попадала! Сквозь огонь и медные трубы проходили – неужто не выручит меня профессиональная журналистская настырность?

И вот мы пробираемся сквозь толпу к столу. Расправляем провода, подключаемся к сети. Как-то воспримут наши приготовления эти отдававшиеся веселью люди?

Хозяин тут как тут, он от чистого сердца хочет нам помочь, но лучше бы не надо такой помощи.

Вот он кричит, перекрывая весь праздник: Тихо! Сейчас меня будут записывать! Сейчас я буду петь...

Ему охотно уступают бубен, и он стучит в него, откровенно позируя, стараясь произвести впечатление. Мелодия его довольно интересная, но невнятна и сбивчива, в ней трудно различить хоть какой-

то музыкальный период, какую-то мелодическую единицу, нечеток и ритм бубна. Опьянение сводит на нет все его усилия, доставить людям приятное. А для нас такая запись – тоже не, ахти, какое приобретение.

Недостаток исполнения Никифор Аристархович вовсю старается компенсировать эмоциональностью, а топать и взбадривать танцоров криками он мастер.

Оч-ча-ча! – вопит хозяин и гости отвечают ему тем же национальным восклицанием. Гости – народ великодушный, некоторые из них наладились плясать и под этот изломанный ритм. Особенно старается хрупкая пожилая женщина, простоволосая, в платье с коротким рукавом. Она танцует самозабвенно, заражая всех своей энергией, без усталости, в то время как бубнисты сменяют друг друга. Позже я узнал ее имя. Это Мария Никитична Танвилина, мать звеньевского совхоза «Карагинский» Христофора Танвилина и колхозного рыбака Якова Танвилина. Об этой семье рассказывает в своей книжке «Ленаты счастья» областной краевед В. Малюкович.

– Бабушка, давай играй! – подводит к нам хозяин небольшую щуплую старушку в желтой кофточке. А та тянет за собой свою подружку в низко надвинутой на лоб косынке. Тут как тут и наша добрая знакомая, директор сельского Дома культуры Анастасия Васильевна Гуторова. Она охотно объясняет нам, по привычке громко и отчетливо, словно со сцены:

“Сейчас исполняет песню «Чайки» Уварова Екатерина Павловна и Колегова Прасковья Мефодьевна”.

Жемчужины песенного фольклора

То, что мне посчастливилось услышать и записать от этих старушек, без обиняков можно назвать жемчужинами корякского песенного творчества. Это были чудесные всхлипы воздуха, когда он всасывается гортанью, чередуемые с хрипами при выходе. Старушки, склонив друг к другу головы, внимательно слушали себя. Чтобы знать, где вступить, чтобы не дать заглухнуть ни чаечьему крику, ни этому хрипу, похожему на шум прибоя.

Я знал, конечно, что национальная культура коряков богата элементами, копирующими явления природы, особенно заметными в танцевальном творчестве. Вспомним танцы, имитирующие движения

нерпы, медведя, тех же чаек. Но я не предполагал такого совершенства имитации природы в песне.

Интересно, что подобной достоверности звукоподражания нет в национальных мелодиях чукчей и эскимосов. Звукоподражание природе у карагинских коряков искуснее, чем у их северных соседей.

Пишу это, основываясь на записях чукотской и эскимосской музыки, выпущенных фирмой грамзаписи «Мелодия» с предисловием И. Бродского. В эскимосской песне «Чайки», исполненной мужским квартетом в унисон в сопровождении бубна – *саяка*, лишь отдельные голосовые орнаменты напоминают птичий крик.

Песня, которую спели нам Екатерина Павловна и Прасковья Мефодьевна настолько близка к природе, что в это трудно поверить. Закроешь глаза и видишь перед собой песчаную отмель в несметном белопером населении, белые от помета зубья скал и распахнутые веера чайчьих крыльев.

Можно не сомневаться, что мы положили в свою песенную копилку уникальнейшую запись, не имеющую себе равных. А следом за ней – вторую, третью, четвертую, – подражания уткам, гагарам, лебедям. Было от чего придти в восторженное смятение! За какие-то десять минут мы стали обладателями четырех жемчужин национального творчества!

Вот что пишет исследователь о песенном фольклоре народов Севера: «Для музыки северян характерны некоторые особые приемы и средства музыкальной изобразительности: придыхания, различные быстрые языкодрождения, гортанные равномерно-подвижные чередуемые звучные «вдох-выдохи», гортанный похрип и иные гортанные призвуки, напоминающие разнообразные покрики, завывания и гудения, попискивания, покашливания» (И. Бродский).

Эта характеристика в полном объеме относится к той манере пения, которую показали нам Екатерина Павловна Уварова и Прас-

ковья Мефодьевна Колегова. Но эта песенная культура в основном – достояние стариков. Молодежь так уже петь не умеет.

Нам говорили – хорошо поет такие песни в паре с Екатериной Павловной ее сестра Мария Павловна Попова. В последующие дни неоднократно навещали мы к Марии Павловне, но здоровье ее было таково, что было бы просто бессовестно заставлять ее напрягаться.

Но мы все же привезли в фонотеку национального кабинета голоса сестер, переписав их с фольклорной пленки, любезно предоставленной нам хормейстером танцевально-хорового ансамбля «Энер» Петром Григорьевичем Дубиной.

Каждая песня неповторима

Но вернемся к празднику. В тот вечер подарили нам свои колоритные и яркие, словно небо на восходе, песни – охотники и рыбаки новой Караги, их жены и дети. Мы слышали песни людей старшего поколения – Ивана Петровича Колегова, его жены Прасковьи Мефодьевны, Николая Сергеевича Попова, Екатерины Ивановны Чечулиной, Ирины Андреевны Уваровой. Специально для гостей из Паланы спел наш знакомый Андрей Иванович Никифоров, нам же посвятил свою песню и Яков Петрович Танвилин.

Люди пели и личные, и семейные родовые песни. Екатерина Ивановна Чечулина, кроме своей, спела еще и песни мужа. Молодая женщина Мария Никифорова после своей песни вспомнила мелодию брата-оленевода.

Каждая песня была неповторима, каждая имела печать индивидуальности автора, его голосовых и музыкальных данных, его возраста и жизненного опыта. Ни одна мелодия, ни один ритм не повторились в исполнении другого певца и бубниста. Словно десятки ручейков бегут по тундре, не сливаясь, неся к полноводной реке национального искусства свои параллельные воды, каждый со своим ритмом, со своим прихотливым руслом.

Да ни один из певцов, если бы хотел, не смог бы в точности повторить чужую мелодию, которая построена сплошь на импровизации, на глубоко личностном выражении интонационно-ритмичного орнамента.

Каждый коряк из Караги знает и поет в течение всей своей жизни одну, так называемую, личную песню, много – две-три, унаследован-

ных от родителей. Каждый исполнитель по существу лишь одухотворенный мыслящий ларец для хранения одной-двух родовых мелодий и в качестве этикетки или опознавательного знака имеющий свою самосочиненную песню.

Поэтому не стоит доказывать, как важно собрать воедино, в одну шкатулку, разрозненное по отдельным исполнителям, песенное творчество коряков, как важно сделать его общенациональным достоянием и репертуаром для художественной самодеятельности.

Наутро мы с Шурой проснулись «крезами». Не удержались от искушения пересчитать наше богатство – вчерашнюю запись на «хололо». Пересчитали и ушам не поверили – двенадцать мелодий за один вечер.

Незабываемая картина танцевально-песенного спектакля встала перед глазами, и каждая песня ярко очерчивала характер ее исполнения.

Вот увлеченно отплясывающий Иван Петрович Колегов со своей обаятельной улыбкой, вот серьезный и осанистый Андрей Иванович Никифоров, вот бойкая горластая Мария Никитична Танвилина. А это чей фальцет, столь необычный для национальной манеры пения? А-а, это голос Ирины Андреевны Уваровой, до того стеснительной, что ее еле уговорили выйти к микрофону. А это удивительно напевная мелодия принадлежит Марии Никифоровой.

Не одни мы наслаждались своим приобретением. Застыло в дверях маленькое доброе личико хозяйки гостиницы Анны Капитоновны Гуторовой. Оно светилось радостью узнавания и сопереживания. Ее вчера не было там, на празднике, а благодаря нашим записям она словно бы побывала там.

– Да вы проходите, садитесь! – увещевали мы ее, но Анна Капитоновна робела. Наконец, мы ее все-таки усадили, почти силком. И настойчиво стали проситься к ней в гости, памятуя рекомендацию Елены Михайловны Никифоровой: мол, хорошо поет хозяйка гостиницы.

– Здравья совсем нет, – отнекивалась Анна Капитоновна. – Я и так уж не хожу никуда, дома сижу.

Все же на чай мы к ней напросились, не думая тревожить своими просьбами больного человека. Но Анна Капитоновна сама решительно взяла в руки бубен.

Праздничная кухлянка

И вот новая искусная мелодия драгоценным слитком ложится в нашу магнитофонную коллекцию.

Мы готовы удовлетвориться и двумя-тремя фрагментами песни, но Анна Капитоновна забывает о своем нездоровье. Песня открылась перед нами словно бутон незатейливого тундрового ириса. Прекрасная мелодия, очень своеобразная по ритмическому рисунку!

Однако восхищение наше было еще впереди, когда Анна Капитоновна растворила заветный сундучок и достала оттуда невиданного мастерства кухлянку. А когда облачилась в нее, от болезненной тщедушной старушки не осталось и следа. Пред нами была женщина, помолодевшая лет на двадцать, не меньше.

С новой силой вспыхнула утомленная песня. А я стремился запечатлеть объективом наряд, от которого не отказалась бы и царица. Кухлянку надо было фотографировать по сантиметрам, по пядям, настолько филигранна была работа.

В следующие дни мы навидались вдосталь праздничных, ярко украшенных кухлянок, но ни одна из них не смогла затмить великолепного изделия Анны Капитоновны. С унынием думаешь, какой необычайной силы искусство уходит из жизни вместе с его создателями. И есть ли в нашем округе такая заинтересованная организация, которая располагала бы достаточными средствами, чтобы приобретать у искусных мастериц работы, достойные изучения и поклонения, по справедливости воздавая им за труд и за творчество?

Коряжская молодежь ныне ревниво соблюдает моду, которую запускают в наш быт кино, телевидение и журналы. Унификация стиля жизни ведет к тому, что никто из нынешних школьниц и молодых женщин не внимает с почтением бабушкам – рукодельницам, которым буквально некому передать свое мастерство.

